

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Н.А.БАЙРАМОВА

*Бакинский Государственный Университет**nigar-ff@mail.ru*

В статье затрагиваются вопросы определения понятия «терроризм», который является очень актуальным в современной политической науке, о его методах и пропаганды действия.

В современной политической науке вопросы определения понятия «терроризм» являются очень актуальными. В различные исторические эпохи многие способы насилий над людьми воспринимались негативно со стороны мыслителей (8. 61-67). В настоящее время насчитывается более сотни определений терроризма. Это объясняется как сложностью определяемого явления, его разновидностей, так и политическими позициями тех, кто трактует это явление (9. 31-33).

Понятие «террор» вошло в политический оборот во времена Французской революции, хотя методы устрашения гражданского населения практиковались еще в Древнем Риме. Первоначально террор использовался властью или государством для уничтожения и устрашения своих реальных или потенциальных политических соперников, которые изображались как предатели существующего строя. «Государственный террор» практиковали легионеры Калигулы, опричники Ивана Грозного, следователи Робеспьера, НКВД Сталина, службы безопасности Гитлера, Мао Цзэдуна, Пол Пота, Пиночета, Хусейна и др. (6. 17-25).

Параллельно развивался «антигосударственный терроризм», призванный расшатать и свергнуть политический режим путем физического уничтожения и запугивания представителей правящего класса. Методы террора и «пропаганды действием» были взяты на вооружение российской «Народной волей», европейскими и американскими анархистами, революционерами, сепаратистами, некоторыми лидерами национально-освободительных антиколониальных движений. В годы холодной войны обе противостоящие стороны в той или иной степени скрытно поддерживали повстанческие движения, часто прибегавшие к методам террора. Советский Союз был идейным союзником палестинских отрядов во главе с Арафатом, предоставлял убежище профессиональному международному террористу Карлосу. Соединенные Штаты вооружали и вдохновляли отряды «контрас» в Никарагуа, арабских моджахедов, в том числе и молодого Усаму бен Ладена в Афганистане. Но вместе с тем деятельность большинства террористических организаций имела преимущественно свои собственные

корни и динамику. Особый размах террористическая деятельность приобретает в начале 1970-х годов. На международную арену выходит «палестинский терроризм». В 1972 г. члены организации «Черный октябрь» захватили заложники израильских спортсменов, участников Олимпийских игр Мюнхене. В том же году члены японской «Красной армии», руководствовавшиеся соображениями солидарности с палестинцами, совершили вооруженное нападение на пассажиров в аэропорту Лод в Израиле, этим последовала затяжная серия захватов воздушных судов, взятия заложников, убийств израильских граждан за рубежом. Именно в это время обозначается новое течение в стратегии терроризма — целенаправленное нанесение ударов по гражданскому населению и невоенным объектам, которое призвано привлечь внимание средств массовой информации и мирового общественного мнения к политическим целям террористов (10. 26-27).

На этот же период приходится и вспышка «революционного терроризма». В Европе немецкое крыло «Красной армии», итальянские «Красные бригады», французское «Прямое действие» захватывали в заложники и убивали политиков, бизнесменов, предпринимали диверсионные акты против военных объектов. Их сближала марксистско-ленинская риторика, общие цели свержения капитализма. Одним из самых громких преступлений «Красных бригад» было похищение, а затем убийство в 1978 г. бывшего премьер-министра Италии Альдо Моро. В это же время в Латинской Америке нарастает активность революционных организаций, широко использующих методы террора, таких, например, как перуанская «Сендеро Люминосо» («Сияющий путь»), «Национально-освободительная армия Колумбии», возникают и распадаются революционно-террористические группы интернационального состава. К этой же категории можно отнести и террористические акты, совершаемые ультраправыми организациями. Например, в апреле 1995 г. небольшая группа американских экстремистов, полагавших, что правительство проводит слишком либеральный курс внутри страны, взорвала здание в Оклахома-Сити, в результате чего погибло 166 человек (2. 36).

Одновременно развивался «сепаратистский терроризм». Такие организации, как «Ирландская республиканская армия» (ИРА), баскская «Эускади та Аскасатуна» или «Отечество и Свобода» (ЭТА) в Испании, тамильская «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке, «Курдская рабочая партия» в Турции использовали различные методы террористической борьбы для достижения целей отделения и образования независимой государственности (10. 83-85).

Особое место занимали организации, исповедовавшие «религиозный терроризм». Образованная в 1987 г. японская «Аумсинрике» («Высшая правда Аум»), провозгласившая создание нового религиозного культа, ставила задачу завоевания власти в Японии, а затем и во всем мире, использовала для этих целей методы террористической борьбы с применением оружия массового уничтожения. Но особо выделялись исламские организации фундаменталистского толка, первоначально образовавшиеся в Египте, Пакистане, Ливане, Алжире и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока, исповедовавшие идеологию очищения ислама или создание теократического государства, объединяющего всех мусульман региона и всего мира. Некоторые последователи наиболее радикального крыла нового течения уже в 1980-х годах прибегали к

тактике террора, например, осуществили покушение на египетского президента Анвара Садата. Но их главная роль состояла в подготовке идеологической базы сегодняшней системы транснационального терроризма (6. 49).

Терроризм использует вооруженные акты насилия или угрозу их применения. При этом террористы целенаправленно нарушают традиционные и широко принятые в международной практике правила поведения участников боевых действий, запрещающие, в частности, взятие заложников, негуманное отношение с пленными, нападение на дипломатов и дипломатические учреждения, гражданское население, совершая, таким образом, военные преступления. Некоторые специалисты квалифицируют терроризм как «эквивалент военных преступлений в мирное время» (3. 85).

Сегодня прежнее понятие государственного террора против собственного населения рассматривается как геноцид против своего народа, массовые нарушения прав человека. Использование государственными вооруженными силами методов террора на иностранной территории классифицируется как военное преступление. Носителями же терроризма являются негосударственные действующие лица отдельные личности, группы и организации. В редких случаях государственные специальные службы непосредственно осуществляют террористические или диверсионные акты. Например, известно, что спецслужбы КНДР похищали японских граждан, а спецслужбы Ливии организовали, по крайней мере, один взрыв пассажирского авиалайнера над Великобританией. В подавляющем же большинстве случаев, когда речь идет о «терроризме при поддержке правительств» или «терроризме, спонсируемом государствами», имеются в виду террористические акты, осуществляемые неправительственными группами или организациями, которые открыто или тайно поддерживаются зарубежными правительствами. Эта поддержка может оказываться в виде финансовой, технической или организационной помощи, предоставления убежища террористам и т.д. Американские ученые утверждают, что боевая и террористическая организация «Хезболла» получает помощь от Ирана, а «Хамас» — от Сирии. Но надо признать, что основными субъектами терроризма сегодня являются неправительственные действующие лица (5. 41).

Повстанцы, мятежники, партизаны, незаконные вооруженные формирования, участвующие во внутренних вооруженных конфликтах, нередко прибегают к тактике террора, но основную суть их деятельности составляет открытое противоборство с государственными вооруженными силами. Такого рода действия рассматриваются как серьезнейшие преступления, но они отличаются от терроризма в первую очередь тем, что основной мишенью террористов является гражданское население, гражданские объекты, а также невооруженные военнослужащие (некомбатанты). Вместе с тем в большинстве случаев очень трудно провести разграничительную линию между «повстанцами» и «террористами», поскольку часто речь идет лишь об условном «разделении труда» между ними в общей борьбе. Нередко одни и те же личности участвуют, как в борьбе с вооруженными силами, так и в совершении террористических акций.

В отличие от уголовных преступников, которые могут совершать подобные акты по криминальным мотивам, террористы преследуют политические цели, т.е. стремятся запугать население и принудить правительства или

международные организации совершить какие-либо действия, требуемые террористами. И в этом случае зачастую трудно определить границу, поскольку террористы часто прибегают к уголовным преступлениям имущественного характера для финансирования своей деятельности (1. 3).

В большей или меньшей степени принятые в большинстве стран официальные определения терроризма включают указанные выше особенности их деятельности. В законе РФ «О борьбе с терроризмом» (статья 3) терроризм определяется следующим образом:

«Терроризм — это насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений» (7. 132).

В США действуют три определения терроризма. Государственный департамент определяет терроризм как «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершенное против небоевых целей субнациональными группами или тайными агентами, обычно имеющее целью повлиять на общественность». ФБР определяет его как «незаконное использование силы или насилия против лиц или собственности для запугивания или принуждения гражданского населения или части его для продвижения политических или социальных задач». Министерство обороны — как «незаконное использование или угрозу применения силы или насилия против отдельных лиц или собственности для принуждения или запугивания правительств или обществ, часто с целью достижения политических, религиозных или идеологических задач» (11. 3).

Европейский Союз квалифицирует терроризм как «международно осужденный акт, совершенный отдельным лицом или группой против одной или нескольких стран, их институтов или граждан, с целью устрашить и фундаментально изменить или уничтожить политические, экономические или социальные структуры государства» (4. 167).

В Докладе Группы ООН высокого уровня предлагается следующая дефиниция терроризма, которая, по мнению авторов, может оказаться приемлемой для большого числа государств: «...любое деяние... которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов или причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния, в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо

действие или воздержаться от его совершения» (4. 135).

Приведенные выше определения не расходятся принципиально. Более существенно то, что на протяжении длительного времени ряд государств Ближнего и Среднего Востока, Африки, Азии придерживались качественно отличного от других стран мира подхода к самому явлению терроризма. Это расхождение наглядно проявилось еще в начале 1970-х годов, когда по инициативе Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма был поднят вопрос о необходимости выработать позицию мирового сообщества по отношению к новому для того времени феномену терроризма (9. 142).

Позиция большого числа представителей стран «третьего мира» состояла в том, что акты, которые на Западе квалифицируются и осуждаются как терроризм, на самом деле являются лишь одним из методов законной вооруженной борьбы против колониализма и агрессии именно со стороны западных стран. Наиболее ярко ее сформулировал Ясир Арафат в выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г.: «Различие между революционером и террористом заключается в причинах, по которым они ведут борьбу. Тех, кто выступает за правое дело и борется за свободу и освобождение своей земли от захватчиков, поселенцев и колониалистов, ни в коем случае нельзя считать террористами» (12). Именно такой подход лежит в основе известной формулы «террорист для одних — борец за свободу для других». И хотя в последние годы, когда терроризм вырос в глобальную угрозу, а многие страны «Юга» сами стали мишенями действий террористов, число открытых сторонников этой формулы среди официальных представителей развивающихся государств сократилось, но подспудно она продолжает работать. Об этом можно судить, например, по реакции в некоторых странах на теракты 11 сентября 2001 г., которую можно свести к часто озвучивавшейся тогда позиции, что, дескать, «жалко погибших американцев, но Америка это заслужила».

Хотя в самые последние годы консенсус относительно недопустимости терроризма расширился, единое, общеприемлемое его определение не удалось сформулировать и на юбилейной 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2005 г. Ряд стран настаивал на том, что борьба против терроризма не должна ограничивать «законное право народов в условиях иностранной оккупации бороться за свою независимость» (4. 28).

Нельзя забывать и о том, как скрытые или явные сторонники терроризма, не говоря уже о самих террористах, находят оправдание уничтожению гражданского населения. Как правило, это аргументируется тем, что граждане стран, против которых совершаются теракты, расплачиваются за действия своих правительств, которым они не противодействуют. Например, террористы, действующие в Израиле или России, оправдывают целенаправленное убийство мирных граждан, в том числе и детей, ссылаясь на то, что это лишь ответ на акты «государственного террора» вооруженных сил и служб безопасности против мирных палестинцев или чеченцев, за которые должны нести коллективную ответственность все граждане Израиля или России. Но доктрина «коллективной ответственности» народов за действия правящих классов или правительственных вооруженных сил противоречит принципам международного права и этическим принципам, которых придерживается подавляющее большинство мирового сообщества. Армянские террористы оправдывают свои

действия как ответ на якобы исторической несправедливости по отношению к армянскому народу.

Все эти разногласия лишь подчеркивает необходимость выработки единого для всего мирового сообщества определения терроризма как абсолютного преступления против человечности независимо от его политических, национальных, религиозных и иных обоснований или ссылок на право ответных действий. Такому подходу придерживается и азербайджанское руководство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // ГА 49/60, от 9 декабря 1994 г./ www.un.org
2. Иванов Г. Вопросы борьбы с международным терроризмом на повестке дня ООН // Международная жизнь. 2005. № 3, с.35-41
3. Кулагин В.М. Международная безопасность. М.: РАН, 2007, 318 с.
4. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. М.: Юрид. лит., 2003, 480 с.
5. Новикова Г. Посредничество США в урегулировании арабо-израильского конфликта // США-Канада. 1996. № 11, с. 62-69
6. Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы // Под ред. В.М.Кулагина. М.: РАН, 2003, 286 с.
7. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: 2002, 617 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Наука, 1994, 527 с.
9. Green H. International struggle against terrorism. Wash., 2006, 418 p.
10. Roy F. Terror and Policy. N.Y., 2006, 512 p.
11. The National Security Strategy of the US. Wash., 2002, 16 p.
12. www.un.org

“TERRORİZM” ANLAYIŞININ MÜƏYYƏN OLUNMASI MƏSƏLƏSİNƏ DAİR

N.A.BAYRAMOVA

XÜLASƏ

Məqalədə terrorizmlə bağlı alimlərin fikirləri öyrənilir, dövlətlərin və beynəlxalq qurumların mövqeləri açıqlanır. Tarixi faktlar əsasında terrorizmi yaradan amillər təhlil olunur, mahiyyətinə aydınlıq gətirilir, mövcud siyasi və hüquqi mübahisələr işıqlandırılır. Terrorizmlə mübarizənin hüquqi prinsipləri tədqiq olunur. Bu gün öz əhalisinə qarşı olan dövlət terroru öz xalqına qarşı soyqırım, insan hüquqlarının kütləvi pozulması halı kimi baxılır. ABŞ, Avropa İttifaqı, BMT kimi beynəlxalq iştirakçılar terrorizmi zorakılıq aktı olaraq qəbul edirlər. Uzun illər boyu Yaxın və Orta Şərq, Afrika, Asiya regionu dövlətləri terrorizm anlayışına Avropadan keyfiyyətə fərqli olan mövqedən çıxış edirdilər. «Üçüncü dünya» ölkələrinin əksər nümayəndələrinin mövqələrinə görə Qərb tərəfindən terrorizm kimi səciyyələndirilən və pislənilən hərəkətlər əslində Qərbin müstəmləkəçiliyinə və təcavüzünə qarşı qanuni silahlı mübarizənin metodlarından biridir.

PROBLEM DEFINITION OF TERM “TERRORISM”

N.A.BAYRAMOVA

SUMMURY

The article called “on the problem of defining “terrorism” notion” studies scientists’ approach towards terrorism and presents the positions of different countries and international organizations. Factors conditioning terrorism are investigated on the basis of historical facts, its essence and present political and juridical discordances are highlighted in the article. The author investigates juridical principles of the struggle against terrorism. Today state terror against its own population is reparded as a genocide, mass infringement of human rights. USA, European Union, CIS define terrorism as a violence act. Throughout long decades states of Near and Middle East, Africa, Asia adhered to the phenomenon of terrorism qualitatively distinct from European countries. The positions the majority of representatives of “The Third World” countries represented that the acts qualified and condemned as terrorism in the West, actually are a methods of the legal armed struggle against colonialism and aggression policy of Western countries.